

Дубаков Л. В.

**ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ "РОЗЫ МИРА" Д. АНДРЕЕВА В РОМАНЕ В. СОРОКИНА
"ГОЛУБОЕ САЛО"**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/31.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 75-77. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

русском и немецком языках, например: трансформатор, резистор, транзистор, вход, выход, нагрузка и т.д. Обучаемому предлагается составить и ввести в специально отведенную строку сложное слово, предположим, «выходной трансформатор». Если он вводит слово «der Transformatorausgang», т.е. меняет местами основное и вспомогательное слово, то на экране появляется изображение трансформатора, выходные клеммы которого пульсируют, так как именно в значении «выход трансформатора» должно быть воспринято это слово. В случае набранного слова «der Ausgangstransformator», т.е. правильного соединения его составляющих, на экране появляется соответствующее анимированное графическое изображение объекта.

Конечно, студенту может быть предложено сложное слово на немецком языке с заданием перевести его на русский язык. Тогда ему нужно будет вводить слова на русском языке, но, как и в первом случае, оценочное суждение целесообразно представлять в графическом, наиболее наглядном и запоминающемся виде с элементами анимации. По нашему мнению, наглядное графическое представление ответа улучшает его восприятие, так как оно является контрастным на фоне текста, обычно используемого в заданиях, а анимационные фрагменты сосредотачивают внимание обучающегося на результатах его ответа, делая его более запоминающимся.

Правильный ответ целесообразно не только подтверждать на экране, но и само слово воспроизводить вербально через наушники или звуковые колонки, что позволит обучаемому одновременно тренировать правильность произношения иностранных слов. При этом выбор числа звуковых повторений слова целесообразно оставить за самим студентом, предоставив ему возможность прерывать повторение в нужный для него момент. Это особенно актуально в словообразовании, потому что одной из типовых ошибок, допускаемых обучающимися, является присоединение соединительной согласной к основному слову, что часто приводит к получению другого известного слова. В этом случае будущий собеседник студента не сможет адекватно воспринять значение произнесенного сложного слова.

Допускаемые ошибки целесообразно локализовать, разделяя их по группам, и для подсказки при их устранении выводить на экран не все правило, а лишь раздел, соответствующий данной группе ошибок. Например, при неправильном употреблении артикля напомнить, что он должен соответствовать основному слову; если неправильно применена соединительная буква - то указать порядок их использования и т.д. При неоднократном повторении ошибки из одной и той же группы (к примеру, при неправильной подстановке соединительной согласной) можно ввести комментарий, поддерживающий эмоциональный настрой обучающегося. В этом случае воздействие должно быть мягким, доброжелательным и сопровождаться фразами типа: «Не торопитесь! Подумайте и попробуйте еще раз! У Вас все обязательно получится!» Слова подбадривающего характера могут также сопровождать выполнение и отдельных наиболее сложных этапов упражнений. Хотя в отношении такого подхода существуют и другие точки зрения.

Еще одной возможностью расширения интерактивности является более широкое использование слуховых возможностей человека. В этом случае и комментарии об ошибках, и фрагменты правил, позволяющие преодолеть их, так же как и общее правило словообразования можно выводить как одновременно с текстовыми сообщениями, так и вместо них, представляя выбор этих режимов студенту. Целесообразность этого связана с тем, что при выводе таких сообщений на экран их текст занимает определенное, часто значительное, место рабочего поля, закрывая его участки, которые были бы полезны для осмысления выводимых указаний. При выводе сообщений на слух этого не происходит. Более того, у некоторых людей слуховое восприятие сообщений бывает развито лучше, чем зрительное, а значит, улучшается усвоение материала. Все аудитивные сообщения следует выводить циклично, предоставив определение моментов их прерывания самому студенту.

Естественно, что такой подход можно использовать не только при изучении специальной лексики по специальности «радиотехника», но и при освоении материала в других областях знаний.

Предлагаемый принцип построения учебных компьютерных программ с использованием слуховых и перераспределением визуальных способов получения информации позволяет, на наш взгляд, повысить уровень их интерактивности, а это, в свою очередь, повышает эффективность и качество обучения при овладении новым материалом.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ «РОЗЫ МИРА» Д. АНДРЕЕВА В РОМАНЕ В. СОРОКИНА «ГОЛУБОЕ САЛО»

*Дубаков Л. В.
ЯГПУ*

В.Сорокин в своём творчестве неоднократно обращался к «Розе Мира» Д.Андреева. Среди произведений, в которых можно обнаружить присутствие мотивов указанного текста, – роман «Тридцатая любовь Марины» (образы «Небесной России»), эссе «Эрос Москвы» («трансфизический метод»), роман «Голубое сало».

В романе «Голубое сало» перерабатываются мотивы глобальной эсхатологии «Розы Мира»: отдельные образы и идеи главы «Князь тьмы» вплетаются в ткань «альтернативной антиутопии» Сорокина.

Согласно «Розе Мира», Сталин и Гитлер находятся в буквальном смысле в диалектическом взаимодействии: эти вожди суть ставленники Гагтунгра (планетарного демона), исполняющие главные роли в игре по захвату власти над Землёй. События, связанные со Второй мировой, истолковываются Д.Андреевым как

своеобразная репетиция и проверка сил «кандидатов в Антихристы» – Сталина и Гитлера. В главе «Князь тьмы», описывающей вероятное будущее, Сталин, обретая новое рождение, вновь приходит к власти в будущем и осуществляет захват всей планеты, Гитлер берёт на себя роль его скрытого помощника: *«кандидат в антихристы, который был побеждён <...> теперь явится самозванным вождем, увлекая на борьбу с властелином мира толпы негодующих <...> движение, отрывающее от Розы Мира тех, кого не смог оторвать антихрист, будет само тёмным насквозь»* [Андреев 1998: 573].

Сорокин также «примиряет» Сталина и Гитлера, однако его предэсхатологический мир не выносится в ближайшее будущее, но реализуется здесь и сейчас – в послевоенных годах. Тираны делят Европу по линии Праги, наносят совместный водородный удар по Англии и собираются осуществить то же самое в отношении Северной Америки. Мир «Голубого зала» как бы застыл в промежуточном состоянии – между окончательным единовластием Сталина и многополностью на макро- (США – Германия – СССР) и микроуровне (например, Сталин – Берия – Хрущёв). Эта промежуточность обнаруживается в том числе и в полиязычии «Голубого зала»: так, например, Яков Сталин говорит на французском, Веста (дочь Сталина) поёт песню на немецком, зная его в совершенстве, как и вся её семья.

Некоторые приметы альтернативного мира Сорокина схожи с приметами царства «князя тьмы» Андреева. В России «Голубого зала» устанавливается принцип «свободной любви», на празднике в Большом театре, ей посвящённом, присутствует вся политическая и культурная элита СССР. Следствия этой «свободной любви» проявляются в поведении близких Сталина (инцест: Яков и Надежда), в поведении поэтов (табуированное сквернословие: Мандельштам и Ахматова). В России «Розы Мира» *«наука, философия, искусство, общественные институты, законы – все направится на то, чтобы разнудать сексуальную стихию. Будут проповедоваться всеми способами и превозноситься как проявления якобы раскрепощённого духа всевозможные извращения»* [Андреев 1998: 576].

По «Розе Мира», крайнюю степень сексуальных извращений – каннибализм – вождь «оставит только для себя» [Андреев 1998: 577]. В «Голубом зале» склонность к истязаниям и каннибализму проявляет Хрущёв, друг и любовник Сталина, один из влиятельнейших государственных деятелей (как и в «Князе тьмы», такие «удовольствия» элитарны): *«Хрущёв был большим мастером пыток <...> Он подвешивал людей на дыбе, разрывая им плечи <...> жёг углями и паяльной лампой»* [Сорокин 1999: 239-240]; *«...внесли на мраморной доске отрубленный торс только что умершего юноши <...> – Вырезку. На уровне почек, – приказал Хрущёв»* [Сорокин 1999: 245].

В поведении и способностях тиранов «Голубого зала» обнаруживаются особенности психофизиологической структуры «князя тьмы» «Розы Мира». Гитлер в романе Сорокина после контузии во время Первой мировой приобретает способность мистико-энергетического воздействия на людей: *«Вокруг его рук возникло слабое зеленоватое свечение, и синие искры задрожали на кончиках пальцев. Пальцы сжались, разжались и окостенели в каноническом положении «рук Гитлера», словно сжимая два невидимых шара. Концы пальцев сильнее заискрились синим»* [Сорокин 1999: 306]. Антихрист «Розы Мира», набирая силу, осуществит трансформу своего тела, заменяя физические покровы «каррохом»: *«Внешний человеческий облик преображённого останется почти прежним, но невыразимая жуть начнет излучаться от него ко всем <...> Прикоснувшийся к карроху человек будет поражаем как бы электрическим разрядом»* [Андреев 1998: 572]. Состояние «хохха» (тёмное мистическое видение), в которое регулярно мог впадать Сталин, согласно Андрееву, отзывается в «Голубом зале» тем, что вождь периодически делает себе (видимо, наркотический) укол под язык, завораживающий миллионы наблюдающих эту процедуру, отзывается и необычным смехом вождя, заканчивающимся тем, что из его широко раскрытого рта вырывался *«нечеловеческий крик: – Ясауууух пашооооо!!!»* [Сорокин 1999: 206]. Образы Сталина и его инкарнации – Антихриста – у Андреева накладываются на образы Сталина и отчасти Гитлера и Хрущёва (все они как бы проекции андреевского образа) у Сорокина.

В «Розе Мира» также отмечается, что *«в начале царствования властелин воздвигнет среди Альп столицу мира»* [Андреев 1998: 580]. Резиденция Гитлера в «Голубом зале» и место, где вершится судьба мира, находится именно в Альпах. Конец «антихристового правления» в описании отчасти схож у Андреева и Сорокина. «Голубое сало»: в резиденции Гитлера Сталин делает себе укол голубого сала через глаз в мозг, и, расширившись и поглотив Вселенную, его мозг превратился в чёрную дыру и сжался. «Роза Мира»: каррох Сталина потеряет видимую плотность, и вождь исчезнет: *«Мгновенное изъятие из Энрофа этого сверхчеловеческого мозга <...> подорвет всю идеологию, выработанную им для людей»* [Андреев 1998: 583].

Россия после исчезновения Антихриста в «Голубом зале» оказывается населена людьми (вроде, биофилолога Бориса), внешний вид и образ жизни которых (уродство плюс технизированность сознания) напоминают игв, или полулюдей-полуигв, – представителей главной расы античеловечества, высокоинтеллектуальных демонических существ по Андрееву, а также – разными оппозиционными им группами людей, ведущих подземное существование (например, секта, воспользуемся перифразом, любящих землю). В «Розе Мира» после власти Антихриста *«особенно зверские формы примет взаимная вражда людей и полуигв. Пришельцы будут глубоко презирать человечество как низшую <...> расу, а люди – ненавидеть эти сухо рассудочные существа»* [Андреев 1998: 584].

Однако при всех моментах сходства эсхатология «Розы Мира» принципиально отлична от эсхатологии «Голубого зала»: «конец света» Сорокина иронически-пессимистичен: Сталин, теряя свой «проекционно-антихристовый» статус, в конце романа оказывается в подчинении у любовника биофилолога Бориса –

«господина ST»; приход мессии – «в минусе» (может быть, как попытка подрыва одной из центральных идей книги Андреева – идеи гармоничного преобразования мира).

Роман В.Сорокина «Голубое сало», построенный по принципу альтернативной истории антиутопического характера, заимствует и перерабатывает ряд эсхатологических мотивов «Розы Мира» Д.Андреева. Сорокин осваивает образы вождей, представленные в частности в главе «Князь тьмы» «Розы Мира» и во всей книге в целом.

Схож принцип тайного диалектического взаимодействия Сталина и Гитлера у Сорокина и Андреева, организованного в «Розе Мира» Гагтунгром. Особенности внешнего вида и поведения Сталина и Гитлера в «Голубом сале» схожи соответственно с «хохха» и «каррохом» (см. выше) Сталина и Антихриста в «Розе Мира». Схожи и окончания тираний Антихриста и Сталина (сорокинского): мотив аннигиляции мозга вождя (всего его существа).

В «Голубом сале» как бы фиксируется промежуточное состояние метамира Андреева – между единоличной тиранией Антихриста и многополюсным бытием XX века. Инициированные сниженные этические нормы существования в «царстве Антихриста» находят своё отражение в обыденной жизни России Сорокина. Мир после Сталина в «Голубом сале» и после Антихриста в «Розе Мира» также схожи.

Отличие глобальной эсхатологии «Голубого сала» от эсхатологии «Розы Мира» заключается в мотиве замыкания романной истории «на себе», в комическом (разрушительном) её завершении ничем, и тем самым – в подрыве Сорокиным возможного нарратива Розы Мира.

Список использованной литературы

1. Андреев Д. Роза Мира. – М.: Редакция журнала «Урания», 1998.
2. Сорокин В. Голубое сало. – М.: Ad Marginem, 1999.
3. Смирнов И. Видимый и невидимый миру юмор Сорокина//Место печати. – 1997. – № 10.
4. Эпштейн М. Роза Мира и царство Антихриста: о парадоксах русской эсхатологии//Континент (Москва-Париж). – 1994 (1). – № 79.

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ермакова Е. Н.

ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева»

Фразеологическая система обладает большими возможностями порождать новые единицы языка. Один из таких процессов - импликация (от лат. *implicatio* - свертывание, свивание, складывание). Имплицидность в современном языкознании рассматривается как способность сверхсловной языковой единицы к уменьшению числа компонентов. Уменьшение компонентов в языковых единицах давно интересовало лингвистов. Еще А. А. Потебня выдвинул идею «сгущения» басни и пословицы в поговорку. Вопросы превращения басни в пословицу рассматривали и другие лингвисты (М. М. Михельсон, И.И.Срезневский, Б.А.Ларин, Ю.А.Гвоздарев, А.М.Бабкин, Н. М. Шанский, И. В. Абрамец).

На этом процесс развития языковых единиц не останавливается. Языковые единицы подвергаются дальнейшему «сжатию». Уже А. А. Потебня отмечал, что происходит дальнейшее движение - к фразеологизму. Факты сокращения числа компонентов сверхсловных единиц рассматривались в трудах многих ученых (В. М. Мокиенко, А. М. Чепасова, Р.Н.Попов, Н. М. Шанский и др.).

В первую очередь лингвисты обращали внимание на импликацию в лексикологическом плане и рассматривали фразеологизм как производящую базу для образования производной единицы - слова: *голова кружится* → *головокружение*, *валять дурака* → *дуракаваляние*, *злые намерения* → *злонамеренный*, *вертеть хвостом* → *вертихвостка*, *пускать кровь* → *кровопускание* и др. Такое явление получило в языке разные определения: семантическая конденсация, семантическое сжатие (Н. М. Шанский, В. М. Мокиенко), лексикализация (В. М. Никитевич), универбация, отфразеологическое словопроизводство (А.М.Бушуй). Единицы, образовавшиеся в результате имплицирования, называют отфразеологическими словами (А.М.Бушуй), отфразеологическими дериватами (А.В.Петров).

Образование слова на базе фразеологизма может осуществляться двумя способами. Один из них - вычленение из состава фразеологической единицы одного из ее компонентов, «который получает затем самостоятельное употребление в языке и наделяется тем значением, которое раньше было свойственно всему фразеологизму в целом» [Мокиенко 1989: 160]. Но прежде чем такое слово войдет в лексическую систему языка, оно должно утратить свое прежнее значение в структуре фразеологической единицы и «наполниться» новым. В этом случае между соотносительными единицами может наблюдаться семантическая и грамматическая тождественность: *бить баклуши* - «бездельничать, заниматься пустяками» → *баклушиничать* - «то же, что бить баклуши»; может проявляться семантическое тождество при грамматическом отличии: *принести/принести жертву* - «делать что-либо ради кого-либо или чего-либо, поступаясь собственными интересами» → *жертвоприношение* - «обряд принесения жертвы (в 1 знач.).

Второй путь - образование слов на базе фразеологизмов с сохранением в составе производной единицы в качестве морфем всех бывших компонентов фразеологизма. Р.Н.Попов называет два способа такого словообразования: основосложение компонентов и объединение компонентных словоформ; вычленение отдель-